

Он узнавал, где резалось ножом,
не признавал станочного точенья.
Ценил естественную кривизну -
чтоб топориче было понадёжней.
Он резал рукоять суровою рукой
и проверял, годна ли для насадки.
"Ну-ну! - решал. - Подходит в аккурат".
Батист затягивал свою работу -
ему был по сердцу и сам процесс.

Беседа шла о школьном обученье.
Батист стремился уберечь детей -
забрать их всех, о чём всегда старался,
не сомневаясь, изо всяких школ,
где обучают их изготовленью
фальшивых плохо сделанных вещей
и прививают этим вредный навык.
Подделками забиты все дома...
Я дружелюбно выслушал всё это.
В сомнениях он был частично прав.
Как реагировать на все упрёки,
зависит от ответственных людей.

Потом он отряхнул с колен всю стружку.
Топор в копытце укрепил стоймя.
Тот был прямым, но с небольшим изгибом,
как Змей, что злобно встал на хвост в Раю:
тяжёлый сверху на коротком утолщенье,
блестел ручной отделкой. Синела сталь.
Батист отпрянул и сказал с акцентом,
прищурясь и довольный образцом:
"Ну, вот и посадили кочетка!"

